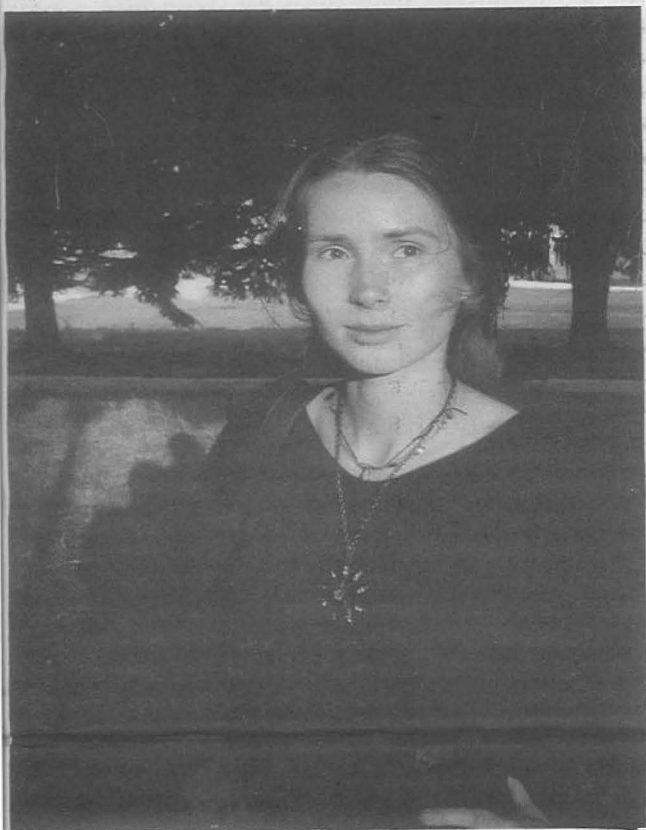

КАРПАТСКА РУСЬ

КАРПАТСКА РУСЬ

Ч.5 АЛЛЕНТАУН Н-ДЖ. МАЙ 2006, ALLENTOWN NJ. MAY 2006, VOL.LXXIX, NO.5

На фото Роксолана Мамчур-Бабій

ОЖЫЛИ ГЕНЫ ПРЕДКІВ

До тих, в кого през покоління ожыли гены наших предків і належит Роксолана Мамчур, яка народила ся во Львові, в 1977 році. Ту она на відмінно закінчыла середню школу і отримала золоту медаль, поступила в Українську Академію Друкарства, яку успішно закінчила у 2001 році.

З дитинства Роксолана цікавилася культурою, писала вершы, ще в середній школі виступала на літературних вечорах, в яких занимала перші місця, за власним сценарієм вела передачу на радіо "Нежалєжність".

Свої роботи присвячувала літературним діячам, серед них - Соломії Крушельницькій, Соловяненку, Богдан Ігору Антоничу та багатьом іншим діячам-лемкам в Україні та у світі.

Свої верши друкує у Львівській газеті "За Вільну Україну" та Лемківських Календарях; чимало з цих віршів присвячено депортації Лемків з рідної землі.

В родині Мамчурів лемкинею була Роксоланина прабабка, гены якої ожили в Роксолані і она стала патріоткою-лемкинею.

Петро Когут

ГОРИТЬ КАЛИНА

Оадає листом клен, горить калина,
Хрестом прохає
І серцем тихим кличе з-під землі вороття
забута домовина
Чийогось батька, дідуся чи сина,-
Можливо, десь, не в рідній стороні
Зойкне серце, зацемить кровинка,
І відгукнеться голос крові у суетній борні
До краю отчого, де батько в Бозі спочине із-за
забуття долине

І прийде його дитина;
Заговорить совісті стежина.
Він не витримає тортури
Він хотів лишитись,-
Не дали ті катюги
Навіть помолитись,
Стислось серце з болю в грудях,
І завмерло з горя,
Тільки клен лишивсь шуміти тихо у розмові
З сином, що вернусь з країв других орогів.
Оав вже листом клен,
Стоїть лише, горить калина,
Неначе моя рідна Лемківщина.

ЛЕТІЛИ В ВИРІЙ ЖУРАВЛІ

Летіли в вирій журавлі,
Несли на крилах тугу Богу-
Волає лемківська земля,
Сурмить душі свою тривогу.
Чужинцям голосить: каяття
Потрібно Вам пред Богом.
Поки не пізно, а то буде великий гріх і сором!
А ті ж недолюди не зважають
На голосіння лемків і благання
Останню хлібину виривають.
Із рідної оселі пручають.
І ім байдужі людській ридання
Старенька свитина впаде до землі подерта
Коханої бабуні
По невтомних ручках, що вкрили мозолі
Онуки глянули: не знають, де дідуно,
Шукають маму і татуня. О, чи вернемо
додому?!

Летіли в вирій журавлі,
Несли на крилах тугу Богу
І вже сьогодні ті жалі
Молитвенню почуті,-
Господь дав ласки змогу
І знову мир вернувся землі.
Через еднання лемківських потоків звидусіль.
І рідна Лемківщина нині мирно сяє
Хліб і сіль благословляє!
Запалом ватри дивним килимком
в очах відбилися разом біль і спокій.

Р. Мамчур-Бабій

ИВАН ФЕДОРОВ ФЕДОРИЧКА (1872 - 1930)

ТАЛЕРГОФ

В Талергофь близ гангара
Мучеников стоит хмара,
Поставленных в довгий ряд.
А кругом них з диким криком,
З наїженным острым штыком
Патрулюе лютый шваб.

И зубами аж скрегоче,
Кляне, плюе, теренкоче
Окаянный людоед.
Кождому он прагне смерти,
Рад бы з лица земли стерти
Ненавистный русский род.

Горе, горе! Братья мои!
Тут в нїмецком Вавилонї
Плачи, зойки, стон, завод.
Печаль нервы розрывае,
Сердце в грудях завмирае,
Меркне з болю в очах світ.

Тут несчастный Рус смиренный,
Багнетами оточеный,
Попадае в обморок:
Под багнетом мусит жити,
Спати, встати, воши бити,
Под багнетом кождый крок.

Под багнетом менаж-зупка,
Под багнетом до выхода,
Под багнетом — «айнс, цвай, драй»,
Под багнетом сповѣдайся,
Под багнетом грѣхов кайся,
Под багнетом умирай!

Под багнетом гроб открытый,
Под багнетом труп зарытый,
Под багнетом в лице бьют,
Под багнетом написала
Тирания, щоб Русь стала
И на страшный божий суд.

Горе, братья галичане!
Дрожат нервы, сердце вяне,
Меркне з болю в очах світ.
Як погляну, душа млѣе,
Як тут русский род марнѣе,
Кровью росит кождый слѣд.

Горе, горе, чорна доле!
Стонут горы, стоне поле,
Неслыханный, лютый гнет.
Всѣм нам грозит тут заграда,
И здается, з того ада
Жива душа не уйдет.

Смерть-погибель царит всюды:
Стрѣлы в плечи, штыки в груди,
Ни вперед, ни в бок, ни в зад.
Слеза слезу вытискае,
Рана рану постигае.
Талергоф — кромѣшный ад!

В.П.Ваврик

ТЕРЕЗИН И ТАЛЕРГОФ

Выдано в 1966 р.

ГАЛИЦКАЯ РУСЬ ВЪ 1914 ГОДУ

Говоря о страшномъ и кровавомъ лихолѣтїи 1914 года, надо постоянно помнить, что тогда огнемъ и мечомъ рѣшался незаконченный поединокъ двухъ расъ, славянской и германской. Первую возглавляла Россія, вторую Германія.

Приготовленія обѣихъ сторонъ къ окончательной расправѣ были далеко не равны. Ослабленная японской войною Россія еще не залѣчила своихъ глубокихъ ранъ, не пополнила своихъ убытковъ и утратъ на сушѣ и морѣ. Германія, напротивъ, съ удивительной энергіей подготавливалась къ рѣшительной битвѣ.

Не уступала ей равно же и Австро-Венгрія, которая примкнула плечомъ о плечо къ превосходству германскихъ военныхъ силъ и къ расправѣ съ Сербіей и Россіей. Ввиду того, что монархія Габсбурговъ состояла изъ славянъ, нѣмцевъ и мадьяръ, вѣнское правительство старалось вносить споры, заколоты, національные, вѣроисповѣдныя и партійныя замѣшательства въ славянскіе народы. Частично ему это удалось при помощи денегъ, хорошо платныхъ мѣстъ и щедрыхъ обѣщаній. Такимъ образомъ, руководящій слой галицкаго народа, въ началѣ менѣе болѣе однородный, со временемъ разбился на два табора.

Галицко-русскій таборъ стоя нерушимо на славянской основѣ, неустанно братался съ родственными славянскими народами, радовался ихъ успѣхамъ, печалился ихъ неудачами и спорами между собою и всю свою жизненную энергію обращалъ противъ германской расы и ее нечестивыхъ методовъ борьбы съ сосѣдями. Поэтому вполне понятно, что Австрія, во главѣ съ нѣмецкой династіей Габсбурговъ, старалась всѣми силами задавить эту часть галицкой интеллигенціи и прїостановить ее вліяніе на народные массы.

Второй таборъ галицкой интеллигенціи, возлелѣанный вѣнской няней, пошелъ, отбросивъ свое славянское родство, наотмашъ и наобумъ, съ врагами Славянства и своего родного народа; онъ проникся ненавистью къ братнимъ народамъ, позаимствовавъ отъ германцевъ методы беспощадного топтанія правъ славянскихъ племенъ и даже съ оружіемъ въ рукахъ устилалъ трупами родныхъ братьевъ родную землю. Этотъ таборъ сталъ любимцемъ Австріи и оставался ее наймитомъ до самого развала; даже нѣмцы и мадьяры отошли въ сторону, одни галицкіе украинцы слѣпо стояли при Австріи.

Въ то время, когда славяно-русскій таборъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ беречь и отстаивать историческое имя своихъ предковъ, имя Руси, озаряющее на продолженіи долгихъ столѣтій хижины многомилліоннаго русскаго народа, таборъ германфильскаго направленія, къ большому удивленію самихъ враговъ Славянства, съ легкимъ сердцемъ отказался отъ своего историческаго русскаго имени, забросалъ его насмѣшками и грязью, замѣнилъ его областнымъ, въ Прикарпатѣ чуждымъ понятіемъ Украина и вмѣстѣ съ нѣмцами принялся всѣхъ и всё, что носило печать Руси, преслѣдовать и уничтожать.

Разница и расхожденія этихъ двухъ родныхъ таборовъ разрасталась всё шире и углублялась все глубже, и между ними долженъ былъ произойти разрывъ. Съ внезапнымъ взрывомъ войны славянскаго міра съ германскимъ міромъ разыгрались сцены, о которыхъ одно воспоминаніе заставляетъ стынуть кровь въ сердцахъ и жилахъ. Сюда, какъ нельзя лучше, подходятъ слова Т. Г. Шевченко:

КОСАР

Понадъ полемъ іде,
Не покоси кладе,
Не покоси кладе — гори.
Стогне земля, стогне море,
Стогне та гуде.
Косаря уночі
Зустрічають сичі.
Тне косар, не спочивае,
Ні на кого не вважае,
Хоч і не проси.
Не благай, не проси,
Не клепае коси;
Чи то пригород, чи город, —
Мов бритвою старий голить
Усе, що даси:
Мужика, й шинкаря,
Й сироту кобзаря;
Приспівує старий, косить,

Кладе горами покоси,
Не мина й царя.
І мене не мине,
На чужині зотне,
За решоткою задавить,
Хреста ніхто не поставить
І не помяне.

Австро-мадьярскій терроръ сразу на всѣхъ участкахъ охватилъ Прикарпатскую Русь. Жажда славянской крови запоморочила умы и помыслы военныхъ и мірскихъ подданныхъ Габсбургской монархіи. Наши братья вырекшіеся Руси, стали не только еѣ прислужниками, но и подлѣйшими доносчиками и даже палачами родного народа. Заслѣпленные какимъ-то зачарованнымъ дурманомъ, они исполняли самые подлые, постыдныя порученія нѣмецкихъ наѣздниковъ. Достаточно взять въ руки украинскую газету «Діло» съ 1914 года, издававшуюся для интеллигенціи, чтобы убѣдиться въ этомъ окончательно. Волось стаетъ дыбомъ, когда подумаешь о томъ, сколько мести вылилъ на своихъ ближнихъ не одинъ украинскій фанатикъ, сколько своихъ земляковъ выдалъ на муки и смерть не одинъ украинскій политикъ въ родѣ кровавого Костя Левицкого, сколько жертвъ имѣлъ на своей совѣсти не одинъ «офицеръ» въ униформѣ сатаны Чировского. Не день, не два упивался страшный упырь Галицкой земли братней кровью. На каждомъ шагу виденъ онъ, вездѣ слышенъ его зловѣщій вой. Ужасенъ видъ его.

КРОВАВЫЙ ТЕРРОРЪ

Читателю нужно помнить, что ниже поданное число жертвъ — это лишь капля въ морѣ общенароднаго мученичества, слезъ и крови Галицкой Руси. Стоглавая гидра набросилась на свою беззащитную добычу. Въ отчаянномъ страхѣ сновался галицко-русскій народъ взадъ, впередъ и во всѣ стороны, не зная что дѣлать, куда бѣжать. Нѣмцы и мадьяры бѣснлись, какъ гады, и причину своихъ отступленій и поражений старались оправдать неблагонадежнымъ поведеніемъ и измѣной галицко-русскаго населенія. Въ манифестахъ и воззваніяхъ обѣщали военные и административныя власти отъ 50-ти до 500 кронъ каждому кто донесетъ на русина. На улицахъ и площадяхъ галицкихъ городовъ выкрикивали платныя агенты: ловить шпионовъ! давайте ихъ сюда на висѣлицы! Партійные вожаки, заслѣпленные мстью, приходили имъ на этотъ ядовитый кличъ съ добровольной помощью.

И жатва крови была чрезмѣрно обильной!

Въ деревнѣ Волощине, уѣздѣ Бобрка, мадьяры привязали веревкою къ пушкѣ крестьянина Ивана Терлецкого и поволокли его по дорогѣ съ собою. Они захлебывались отъ хохота и радости, какъ тѣло русскаго поселенника билось объ острые камни и твѣрдую землю и кровавилось густою кровью. Въ деревнѣ Буковине того-же уѣзда, мадьярскіе гусары расстрѣляли безъ допроса и суда 55-лѣтнего крестьянина Михаила Кота, отца 6 дѣтей. А какая нечеловѣческая и немилосердная месть творилась въ селѣ Цуневе Городоского уѣзда! Тамъ арестовали австрійскіе вояки 60 крестьянъ и 80 женщинъ съ дѣтьми, мужчинъ отдѣлили отъ женъ и поставили ихъ у деревьевъ. Солдатъ-румынъ забрасывалъ имъ петлю на шею и вѣшалъ одного за другимъ. После нѣсколькихъ минутъ прочіе солдаты снимали тѣла и еще нѣкоторыхъ живыхъ докалывали штыками. Матери, жены и дѣти были свидѣтелями этой дикой расправы. Можно ли передать словами ихъ отчаяніе? Нѣтъ, на это нѣтъ словъ и силы! Въ с. Залужье того-же уѣзда солдаты расстрѣляли по-звѣрски 5 крестьянъ: Ивана Ковалю, Ивана Михайлишина, Григорія Снѣда, Станислава Дахновича и Василия Стецька, а въ сосѣднемъ селѣ Великополе изъ 70-ти арестованныхъ крестьянъ мадьяры закололи штыками: Ивана Оліарника, Семена Бенду, Василия Яцька, Василия Кметя, Марію Кметъ и Павла Чабана, которому раньше переломили руки. И это имъ было слишкомъ мало! Уходя передъ русскою армією, они потащили съ собою малолѣтнихъ дѣвушекъ.

Съ каждымъ днемъ жестокой бойни плюгавая работа палачей принимала все большіе размѣры. Въ с. Кузьминѣ Добромильскаго уѣзда австрійцы вбивали въ стѣны хатъ желѣзные крюки и вѣшали на нихъ людей. Въ одинъ день повѣсили 30 крестьянъ. Въ с. Тростяницѣ они замучили на смерть: Матвея Кассіана, Ивана и Евстафія Климовскихъ и пастуха Дуду. Въ с. Квасенинѣ бѣшеный офицеръ застрѣлилъ крестьянина Павла Коростенскаго за то только, что не умѣлъ ему пояснить, куда изъ села ушла русская развѣдка. Въ с. Крецовой волѣ солдаты повѣсили на вербѣ крестьянина Петра Ткача. Всѣ эти экзекуціи случились въ Добромильскомъ уѣздѣ. По доносу жандарма Холявы въ деревнѣ Выгода, Долинскаго уѣзда повисли на висѣлицахъ:

Продовженя на ст.3

Кирилл ФРОЛОВ

**СВЯТЫЕ МУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ
ГАЛИЦКОЙ И КАРПАТСКОЙ РУСИ**

Продовження з газети КР № 2,3,4.

Но геноцид не мог остановить возрождения Православия. В 1918 году в селе Флоринка была создана Русская Народная республика лемков. Этот факт тщательно скрывается «мазепинской» пропагандой. В 1924 - 1930 годах, в условиях теперь уже польского геноцида, 50000 лемков перешло в Православие. В этот же период в Прикарпатской Руси и Галиции в Православие перешли 68 приходов, более ста тридцати тысяч человек (Николаев К.Н. Восточный обряд. Париж. 1950). Священномученик Максим Сандович прославлен в лике святых Польской Православной Церковью в 1994 году и Русской Православной Церковью за границей в 1996 году.

Ныне подвиг православных подвижников в Галицкой и Карпатской Руси замалчивается. Наш долг - почитать этих святых исповедников и мучеников, от латинян убиенных, и настойчиво добиваться их канонизации в нашей Церкви. Также необходима канонизация архиепископа Иосифа (Семашко), этого великого просветителя Западной Руси, противостоявшего униатскому засилью.

История антиправославного и антирусского геноцида на Галицкой Руси предельно ясно продемонстрировала феномен политического католицизма, его духовную природу - подмену Богочеловека Иисуса Христа, единственного главы Церкви, папой, таким «обожествленным» человеком, во имя которого можно лгать, убивать, насилловать, подтасовывать и искажать историю. О роли и назначении иезуитского изобретения - так называемого «украинского самостийничества», призванного уничтожить сердце Руси - Киев, подчинить его «непогрешимому понтифику» - папе римскому, убедительно свидетельствует один из идеологов «самостийничества», униатский митрополит Андрей Шептицкий: «Украинцы являются только орудием в руках Провидения, чтобы оторвать христианский Восток из клещей ереси (Православия), чтобы водворить его в лоно Апостольского Престола и европейского сообщества». Яснее не скажешь.

Все православные должны противостоять этому процессу, насколько у них хватит ума и сил.

Надеюсь, что эта работа будет содействовать канонизации святых мучеников и исповедников Галицких и Карпатских.

Святые исповедники и мученики Галицкие, от латинян убиенные, молитесь Бога о нас!

Источник: Ватикан: натиск на Восток. М., 1998. С. 157-175.

НАША НИВА

Ниво наша дорогая, прадѣдная ниво,
Чом така сумненька стала и глядишь тужливо?
Та чому ты, родна ниво, горем вся повита,
Ой, чому ты, родна ниво, слезами залита?

Чом замовкла, мати родна, мовбы в домовинѣ,
Чом орел орла не кличе на твоей долини?
Не спѣвае соловейко в гаю, як бувало,
Чом зазульку у садочку чути якось мало?

Чом у твого господаря серденько зболѣле,
Чом у красной дѣвчиноньки личенько змарнѣло?
Чом не водит хоропроводов и не вѣе вѣночок,
Не выходит с женчиками на родный лаючок?

И пшеничка золотая марно пропадае,
До земляньки приклонилась, женцѣв выглядяе.
Не выходят трудолюбны женчики из хаты,
Золотую пшениченьку в снопики збирали.

Не выходят и не выйдут, бо выйти не в силѣ,
Бо всѣ они, пшениченько, лежат у могилѣ.
Нема, нема, тай не буде женчика Богдана,
Нема батька Михаила, нема Иоанна.

Святели, твои женцы, що так потрудились,
На тобѣ, родная ниво, всѣ упокоились.
Их могила темна, сѣра в свои нѣдра взяла,
И ты, буйна наша ниво, сиротою стала.

**

Иван Федоров Федоричка.

В.П.Ваврик

ТЕРЕЗИН И ТАЛЕРГОФ

Продовження. Початок на ст.2

Матвей Петрикъ, Иванъ Гайнюкъ, Осипъ Фединякъ, Дорофей Сосникъ, Елена Коверданъ. Вмѣстѣ съ жандармомъ бужеваль въ околицѣ выродженецъ нѣкій Винницкій, ошеломленный «самостийникъ», причемъ онъ руководствовался въ своихъ ничтожныхъ поступкахъ не такъ «идеями», какъ ненасытимой жадной наживы: кто изъ арестованныхъ далъ за себя богатый выкупъ, того онъ отпускалъ на волю; у кого же не было денегъ, тотъ кончалъ жизнь на крюкѣ.

На основаніи приговора военного суда погибли на висѣлицѣ Левъ Кобылянский, громадскій писарь изъ Синечола, Долинскаго уѣзда и Пантелеймонъ Жабякъ, житель того же села, отецъ 5-ти дѣтей. Вмѣстѣ съ ними повисѣ на верѣвкѣ священникъ Романъ Березовскій, настоятель прихода въ Протесахъ Жидачевскаго уѣзда, отецъ 2-хъ дѣтей. За священникомъ и крестьянами не было ни малѣйшей вины.

Въ Жолковскомъ уѣздѣ не было села, гдѣ не заплатили бы жизнью мирный землепашецъ или умственный работникъ. И такъ наѣхавшего изъ Могилянъ въ Нагорцы священника Набака напала австрійская развѣдка, завязала ему глаза, привязали къ дереву и расстрѣляла его. Не помогли ни мольбы на колѣняхъ, ни слезы дочки, возвращавшейся съ отцомъ домой. Дѣвка покололи солдаты штыками и въ селѣ запретили похоронить священника; его тѣло пролежало 5 дней въ полѣ, и только послѣ бѣгства австрійскаго полка похоронилъ его русскій полковой батюшка. Вступивъ въ с. Передрымихи, мадьяры сожгли весь крестьянскій добробытъ, не пощадивъ и школы, и лютыми пытками убили Григорія Савицкого, Илью Сало, Михаила Лосика, Алексѣя Козака, Екатерину Валько и многихъ покололи и поранили. Въ пожарѣ погибло крестьянское добро, и нѣсколько крестьянъ. Въ с. Рѣчкахъ повѣсили австрійцы крестьянку Прокоповичъ, въ Зеболкахъ убили крестьянина Петра Поворозника. Въ Липовицѣ, Куликовѣ, Сулимовѣ, Батятычахъ устраивались чисто дьявольскіе погромы. Въ числѣ доносчиковъ былъ украинецъ-учитель Иванъ Шерстило изъ Сулимова, который выдалъ австрійскимъ жандармамъ нѣсколько крестьянъ и священника Саввина Кмицикевича съ сыномъ.

По причинѣ такого страшнаго массоваго террора пало на галицко-русское населеніе небывалое отчаяніе. Не передъ наступающей русской арміей, но передъ толпой озвѣрѣвшихъ разбойниковъ своей державы, оно скрывалось въ ямахъ, въ лѣсахъ, горахъ и дѣбряхъ, какъ когда-то скрывались его предки передъ татарами и турками, но это не уменьшало горя, ибо къ укрытіямъ всегда находились слѣды.

Въ Каменскомъ уѣздѣ шалѣла австро-мадьярская лютя безгранично, такъ какъ этотъ уѣздъ принадлежалъ къ наиболѣе сознательнымъ округамъ Галицкой Руси. Въ селѣ Дерновѣ убили австрійцы 85-лѣтнаго старика Ивана Наума, Николая Курія, Николая Ковалюка и Ивана Сердинецкаго. Въ поселкѣ Сапезанкѣ былъ расстрѣлянъ крестьянинъ Андрей Вусовичъ, которого тѣло солдаты повѣсили передъ его роднымъ домомъ при рыданіяхъ жены и дѣтей. Въ мѣстечкѣ Стояновѣ былъ убитъ мѣщанинъ Федоръ Багнюкъ будто бы за то, что звономъ въ колоколь давалъ знакъ казакамъ, а 85-лѣтній старикъ священникъ Иванъ Сохацкій былъ вывleченъ изъ церкви и подвергнутъ побоямъ. Во Львовѣ, наконецъ, его прокололъ солдатъ штыкомъ. Десятки смертныхъ приговоровъ имѣютъ на своей чѣрной совѣсти два учителя австро-украинской ориентации Романъ Пекарскій и Лука Краевскій. По ихъ доносамъ судъ первой австрійской пѣхотной бригады приговорилъ къ смерти черезъ повѣшеніе 10 крестьянъ въ с. Таданье: Степана Федика, Феофана Гуралю, Дмитрія Мотилу, Григорія Наконечного, Ивана Потруху, Федора Мартынюка, Василя Гренка, Ивана Круцинского, Дмитрія Ланчина и Анастасію Лашукевичъ, мать 4-хъ дѣтей.

Село Уторопы Коломыйскаго уѣзда было залито крестьянской кровью. Жандармы, солдаты и не въ мѣру усердные австрійскіе патріоты мстились на неповинныхъ жителяхъ села за то, что на фронтѣ австрійская армія терпѣла пораженія. Когда крестьянскія хозяйства сгорѣли дотла, бѣжавшая толпа гнала крестьянъ и женщинъ передъ собой и расстрѣливала ихъ на бѣгу.

Даліі буде.

ЧУДНЫ ТО БЫЛИ ЧАСЫ

Написал И. И. КИНДЯ

Продовження з газети КР № 4.

В ямі світили лем свічками, бо в перву світову войну нафты не мож было достати. Ту начали радитися, як бы тоты грошы и тото вино с оттамале достати. "Свята Мария", як капитан той роботы, говорит, же треба буде бачу привести, жебы дал якої рады, бо при той роботі были кликаны и жены ворожкни, што им повідали о тых грошах. Але не всі роботники годилися на раду "Святой Марии", же треба буде ворожилубачу привести, бо то гріх, то противится первой заповіді Божой. Но свята баба говорит, же то не ворожец а лікарь, и зато не буде гріху.

Так пришол и бача. Бача так радил, жебы взяти зѝ собом кадило, и священны річы, жебы кадили, курили и жебы ся молили.

Там подальше на востоку от Баранього Рога в лісі єсть велика каплиця-часовня, звеся Гай. Там робится раз в року отпуст, в самый тот день, як и в Чирчу. Пішли они до того Гаю. Взяти тоты святы річы и так робили, як им бача казал. Але то нич не помогло. Дармо кадили и кропили свяченом водом и дармо молилися. И Мария уж не знала, што дальше робити. Повідат, же шкода грошы и того вина, бо то не таке прости вино, але таке густе як лекварь — кедь отріже с него малый кусок и дасть до едной бочки воды, то буде таке моцне, што в ниякой гостинници такого моцного вина не достане. А грошы, як достанеме, то тым што погоріли, уділиме — каждому едну мірку. А тым, што робят, то даме по меньше. Тым даме каждому лем на мисочку. И третьим даме, але лем по церковь, а тым што жиют ниже церкви, нич не даме.

Але ту біда, бо грошы нияк не мож достати, аби вино, жебы ся напити.

Закликали ище раз бачу. Повідают му: "што будеме теперь робити. Мы робили так, як ты нам

казал перше, а не помогло." Бача повідат:

— То знате, як тамты збойници там грошы и вино охабили, то они и грошы и вино заклиали. Там забили на них даякого человека, што його душа там покутує. Зато тепер бы треба там пу-

стити до той ямы под скалу едну качку, бо инакше неможь. А як то не поможе, то треба буде пустити когута.

Пустили до ямы под скалу качку. Качка ани ся не вернула, ани нигде не вышла. Потом пустили когута. Когут вышел кадиси подземным ходом, але дажеко — еден и впол километра за скалом. Чули же когут співал, але никто не мог знати, ци то тот самый. А то было так. Там при Камюнской убочи, в "Лузі", был млин. Млинарь мал когута и куры, то того чули, же співал. А тот, што го пустили под скалу, остался там Богу на офіру.

Гварит бача: "Кедь то не помогло, то кедь бы даякий человек там умер и тамтого, што збойници забили, душу выкупил, а инакше заклятье остаєся в силі".

И што тепер робити. Под скалом остаєся 12 бочок золота и 12 бочок доброго вина, 12 клю-

чи, 12 двери и 12 комнат. Треба даяк ся там достати, грошы и вино забрати.

В Орябині єсть душевно хворий Ваньо Козин — такий без розума. Так ся народил ище в 1890 року. Уж ма теперь тот Ваньо Стренк-Козин 68 літ, и уж го отдали до дому отдыха. А в тых часах он лем ходил каждый день по селі от хижы до хижы. Кто му дал кус хліба, кто варену страву. А о квартиру и убранья старался сельски уряд. Як копали в Бараньом Рогу за тым грошами и за тым вином, то пришло на то, як бача гварил, же треба, абы там даякий человек умер и выкупил тамтого душу, што покажує, же лем так достанут грошы и вино. "Свята Мария" была бездїтна, то она не знала цїнити чужы діти. Так они ся дорадили, жебы там до той діры под скалу, где ся каждый боял ийти, пустити того Ваня Стренка Козино.

"Свята Мария" взяла того Ванья ку собі, накормила, дала му убранья, и так взяли го ку скалі, же го пустят до той діры, где ся каждый боял ийти. Взяла потом Мария Ваня за руку, рассказала, жебы ей засвітили свічку, и веде го побожєо до скалы. Привела го и говорит йому золоты слова. Но як пришли к входу в тоту яму, Ваньо вырвался, хоц и без розума. Повіл им аж три разы таке слово, котре не можна выражати.

— Ніт, я не шаленый! — сказал и пішол додому.

Так ище там копали, але уж не долго. Но мали велике счастье, бо раз, як пришли до роботы, уж там нашли засыпано. Мали там чекан, штангы желізны и друге знарядя, то всьо засыпало. Людей не засыпало, бо то пришло в нocy, коли там никто не робил.

А с тым засыпало и стары забобоны и стару культуру. А внет и тота Мария померла.

А богатство збойников до днес в земли лежит. Кто го откопе?

Карпаторусский Календар 1959 р.

*****

ПЛАЧЕ

"Иваню, чого плачеш?"

"Пропап мені оловец."

"Авва! олувец за пять грошей. У вуйны пропало 10 золотых, а я не плачу."

"Чого-ж тобі плакати, коли то у вуйни пропало?"

"А кого-ж вуйна со злости побила, тебе чи мене?"

ПРИВИЧКА

Иван: "Чему ваш конь коло каждой студні стає? Прецінь всюду пити не хоче."

Стефан: "Знаете - он от жида, што возил молоко."

В СУДІ

Судья: Параска, чого Вы перше ставили крестик в уряді, коли подписовали свое имя, а тепер ставите кулко?

Параска: Прошу, світлого суду, бо я перше була самотна, а тепер вже жената.

ЕСТЬ ВЫХОД

"Дорога Оля, чи ты уже сказала своему татовы, што я так тебе люблю, што по ночам не могу спати?"

"Так. Тато сказали: то нехай гді наймєся ночным сторожем."